

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК КАК ПРЕПЯТСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ЯО НИКЭЗ АДУ,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры международного права юридического факультета
Российского университета дружбы народов

С. АДУ,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка № 4
факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин
Российского университета дружбы народов

SUMMARY

One of the main functions of United Nations consists of human rights protection through the word. In spite of that many peoples so far are not able to stand for their human rights, because most of them are lay peoples.

The article deals with the difficulties that occurred in exercising the equal rights to justice. This problem arises because many peoples have difficulties to access to court as they are no lawyers or they have not any appropriate language knowledge to defend their human rights.

Solutions also are proposed in the article to achieve the equal rights to justice.

Key words: protection of human rights, legal language knowledge, access, competent bodies on protecting human rights.

* * *

Одним из главных направлений деятельности ООН является защита прав человека. Однако далеко не все лица имеют возможность добиться защиты своих прав в различных судебных органах. Зачастую это связано с нехваткой достаточных знаний профессионального юридического языка.

В настоящем исследовании рассматриваются проблемы правовой коммуникации в процессе защиты прав человека. В статье анализируются трудности понимания и использования языка права неюристами при реализации прав на равный доступ к компетентным органам по защите прав человека. В статье также предлагаются некоторые решения для преодоления языковых препятствий в защите прав человека.

Ключевые слова: защита прав человека, специфика юридического языка, правовая коммуникация, доступ, компетентные органы по защите прав человека.

Постановка проблемы. Защита прав человека на международном, региональном и национальном уровнях остается одним из главных приоритетных направлений деятельности ООН. Она призывает различные международные, региональные и национальные организации, включая всех граждан, содействовать всеобщему уважению прав человека и основных свобод.

Обращения граждан в судебные инстанции с целью защиты своих прав есть не что иное, как диалог с властью. Существуют различные определения понятия «диалог»: «совместная речевая деятельность двух и более лиц» (Кибрик) [1]; «особого рода совместная деятельность участников, каждый из которых в какой-то мере признает общую для них обоих цель (цели) или хотя бы «направление» диалога» (Грайс) [2]. Следовательно, обращения граждан в компетентные органы по защите прав человека всегда предполагает собеседников, заинтересованных в процессе рассмотрения жалоб и в их результатах. Важно и то, что диалог – это речевая деятельность, поэтому язык права «выступает не столько как техническое средство выражения волеизъявления законодателя, сколько как фор-

ма самого существования права, призванного осуществлять диалог власти с народом на языке этого народа» [3].

Однако на практике по-прежнему далеко не все лица имеют возможность добиться справедливой защиты своих прав в различных судебных и квазисудебных органах в связи с нехваткой достаточных знаний профессионального юридического языка. Данная проблема обычно связана с формулировкой или квалификацией фактов обвинения, составом искового заявления, языком судопроизводства, юридической значимостью вынесенного судебного решения (приговора) и др.

Цель настоящего исследования – выявить языковые проблемы, которые могут препятствовать полной реализации защиты каждым индивидом своих прав и свобод, а также поиск возможностей для устранения в дальнейшем

препятствий, связанных со спецификой языка права.

Изложение основного материала.

Для обозначения процесса взаимодействия субъектов, связанного с удовлетворением их законных интересов, в теории права применяется термин «правовая коммуникация» [4; 5 и др.], который также является предметом юрислингвистических исследований [6; 7 и др.], поскольку правовая коммуникация представляет собой феномен не только права, но и общения.

Сторонники коммуникативного подхода в теории права определяют правовую коммуникацию как правовое взаимодействие между субъектами, возникающее на основе социальной интерпретации правовых текстов, как представляющих им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении [8, с. 141-142]. В данном определении важным представляется понимание правовой коммуникации именно как «взаимодействия между субъектами». Однако на практике чаще существуют не «субъектно-субъектные», а «субъектно-объектные отношения», характерные для манипулятивной комму-

никации (термины С.Я. Сухих [9]). На объектность гражданина в процессе правовой коммуникации указывает М.Г. Баумова, говоря о жёсткой одно-сторонности направления информации и асимметричности передающей и принимающей сторон. Автор отмечает: «В подавляющем большинстве случаев в качестве коммутатора выступает законодатель или иной государственный орган, который обладает определенными властными полномочиями в отношении гражданина-реципиента. По этому каналу идет односторонняя передача информации “государство – индивид”» [10, с. 31].

Н.А. Любимов, рассматривая правовую коммуникацию в законодательстве, определяет правовую коммуникацию как проходящий в правовой сфере общественной жизни процесс передачи правовой информации от правотворческих органов к правоприменителю [11] (выделено нами – А., А.), т.е. в одностороннем порядке. Поэтому, по мнению Баумовой М.Г., одной из главных задач правовой коммуникации является «развитие двусторонней связи, по которой гражданин мог бы проявить активность, подать юридически значимый информационный сигнал о своих предпочтениях» [10, с. 31].

Следует отметить, что двусторонний характер связи участников правовой коммуникации закреплён в различных правовых актах, но на практике реализуется с большими оговорками. Рассмотрим эту ситуацию подробнее.

Права человека – это совокупность прав и свобод, принадлежащих каждому индивиду как человеку [12], включая права на равный и свободный доступ в судебные органы [13, ст. 10]. Это право признано как международными, так и региональными и национальными правовыми нормами по правам человека, такими, как Всеобщая декларация прав человека и иные международные документы по правам человека, а также конституции разных государств как основные законы.

Например, Конституция Российской Федерации признает равенство всех перед законом и судом [14, ст. 19], право каждого принимать участие в отправлении правосудия [14, ст. 32, п. 5], а также гарантию каждому судебная защита его прав и свобод [14, ст. 46, п. 1].

Всеобщая декларация прав человека закрепляет равноправие каждого перед законом без дискриминации [13, ст. 7], а также право на эффективное восстановление в правах компетентными органами предусмотренных законом [13, ст. 8].

Однако эти права гарантируются далеко не всегда, так как в некоторых случаях многим людям отказывают в доступе к правосудию вследствие не надлежащим образом составленного искового заявления, что является серьёзным и одним из самых распространенных препятствий в процессе защиты прав человека. Так, например, на официальном сайте Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в разделе «Подача жалобы» размещена статья «Типичные ошибки адвокатов при составлении жалоб в ЕСПЧ против РФ» (от 16 октября 2012 г.) [15]. Это значит, что жалобы, составленные даже квалифицированными российскими юристами, могут быть отклонены из-за неправильного оформления.

Такие отказы возбуждения или рассмотрения дела сами по себе являются нарушениями прав человека, а отказ от юридической квалифицированной помощи ни в коем случае не умаляет его права на судебную защиту. Самостоятельно право на судебную защиту гарантируется каждому [14, ст. 60].

Незнание юридической терминологии часто приводит к некоторой путанице в квалификации фактов. Вместо, например, термина «подозреваемый» зачастую пользуются термином «преступник», хотя каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и вступившим в законную силу приговором суда [14, ст. 49, п. 1]. Эти ошибки можно наблюдать как у квалифицированного лица, так и лица, не являющегося юристом по образованию.

Судопроизводство проходит с использованием юридической терминологии, без учёта социального статуса сторон участников в деле, что затрудняет положение участников правовой коммуникации в защите своих прав. Важным в этой ситуации также представляется то, что законы и международные правовые акты содержат

юридическую терминологию, это не позволяет индивидам понимать их смысл для защиты своих прав. Судьям или компетентным органам также приходится давать разъяснения или толкования вынесенных ими приговоров или решений, иными словами давать объяснение «языка производства». Сказанное свидетельствует об ограничении возможности многих людей добиваться защиты своих прав надлежащим образом и в полном объёме.

Юридическая помощь представляет собой конституционное законное право каждого человека [14, ст. 48]. Однако данное положение не является окончательным, так как каждый человек также имеет право отказаться от предложенной ему юридической помощи. Отказ от публичных юридических услуг встречается довольно часто, особенно когда у многих граждан отсутствует доверие к государственным органам и особенно к правоприменительным органам, таким, как суды, правоохранительные органы и др. В подобных случаях язык права неизбежно препятствует защите прав человека.

К языковым трудностям в процессе защиты прав человека можно отнести неграмотность многих людей по всему миру. По данным ЮНЕСКО, до сих пор в мире насчитывается 776 миллионов неграмотных взрослых, то есть тех, кто не умеет читать и писать, а 75 миллионов детей не посещают школу [16]. Проблема неграмотности особенно сохраняется в странах Африки, Латинской Америки и Азии.

С проблемой неграмотности связано ограничение большинства групп людей в доступе к компетентным органам для защиты своих прав. Речь идет о коренных народах, говорящих на местных языках и зачастую не владеющих или плохо владеющих языком, на котором написаны правовые документы и/или на котором ведется судопроизводство. Они в основном подвергаются дискриминации, желая сохранить свой традиционный образ жизни [17, с. 8]. С учетом справедливости и реализации цели Устава ООН была принята Декларация о правах коренных народов [18].

Во многих странах мира, особенно когда речь идет о развивающихся странах, где существуют государственные языки, коренные народы испытывают

серьезные трудности в реализации своих прав на своих языках при судопроизводстве. В этой связи Декларация о правах коренных народов устанавливает, что государства принимают действенные меры по обеспечению и защите прав, а также обеспечению того, чтобы коренные народы могли понимать происходящее и быть понятыми в ходе политических, судебных и административных процессов [19, ст. 13, п. 2].

Коренные народы имеют право на доступ и быстрое решение в рамках справедливых процедур урегулирования конфликтов и споров с государственными или другими сторонами, а также на эффективные средства правовой защиты в случае любых нарушений их индивидуальных и коллективных прав [19, ст. 40].

В настоящее время некоторые люди или группы лиц добиваются справедливости только благодаря деятельности многих международных, региональных и национальных неправительственных организаций, таких, как Международная Амнистия, Human Rights Watch и др. Устанавливаются международные системы защиты права человека, такие, как договорные органы в рамках ООН и региональные механизмы защиты прав человека. Однако это еще далеко от совершенства для преодоления языковых препятствий в защите прав человека.

Выводы. Вследствие изложенного можно делать вывод о том, что доступ к судебным или иным компетентным органам для защиты своих прав ограничен для некоторых лиц и групп лиц ввиду незнания профессионального языка защиты прав человека.

В целях преодоления проблем, связанных с языковыми препятствиями в доступе к компетентным органам для защиты своих прав различные учёные предлагают упростить законодательные акты и международные правовые акты по правам человека, тем самым облегчив язык судопроизводства и сделав его доступным всем. В частности, это даст возможность разрешать дела на языках коренных народов.

Однако этому предложению выдвигают ряд контраргументов, которые сводятся к специфике юридического языка, который существует только для

специалистов. Решением проблемы может стать предоставление сторонам квалифицированных переводчиков, как предусматривают международные и национальные законодательства. Проблемами соотношения языковых законов с юридическими законами, а также соотношения естественного и юридического языков занимается такая лингвистическая отрасль знаний, как юрислингвистика [20].

По нашему мнению, преодолеть языковые препятствия в процессе защиты прав человека может разрешение подавать жалобы в компетентные органы в произвольных формах, а также принимать и регистрировать устные формы заявлений. На законодательном уровне необходимо гарантировать независимость адвокатов и судей при выполнении возложенных на них обязанностей.

Все вышеназванные меры нуждаются одновременно в юридических и лингвистических исследованиях, в глубоком теоретическом осмыслении и практической разработке, с целью сделать реальной, доступной юридическую помощь в защите прав для лиц, не имеющих юридического образования.

Список использованной литературы:

1. Кибрик А. Диалог // Энциклопедия «Кругосвет». [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DIALOG.html (дата обращения: 05.01.2013)
2. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 217-237.
3. www/ling-expert.ru/library/slovar/linglaw.html (дата обращения: 05.01.2013)
4. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. – 864 с.
5. Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ. Автореферат дис... канд. юр. наук. – Саратов, 2011. – 22 с.
6. Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика. Язык как феномен

правовой коммуникации. – 2006. № 7. – С. 8-37.

7. Любимов Н.А. К вопросу о правовой коммуникации в законотворчестве // Юрислингвистика. – 2001. № 3. – С. 132-148.

8. Макушина Е.Б. Правовая коммуникация как феномен права и общения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – Том 9. – № 1. – С. 141-143.

9. Сухих С.А. Личность в коммуникативном процессе. – Краснодар, 2004. – 156 с.

10. Баумова М.Г. Коммуникативная функция правовой культуры // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки» – 2008. – № 10. – С. 30-33.

11. Любимов Н.А. К вопросу о правовой коммуникации в законотворчестве // Юрислингвистика. Проблемы юрислингвистической экспертизы. Ирбис. Сервер электронных публикаций ММЦ АГУ [Электронный ресурс] www.irbis.asu.ru/mmc/golev/2.ru.shtml

12. <http://www.ohchr.org/EN/Pages/WhatareHumanRights.aspx>

13. Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948 г., одобренная резолюцией 217 (III) Генеральной Ассамблеи.

14. Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.

15. www.espch.ru

16. http://www.oshibok-net.ru/news/gramotnost_i_mir/2012-09-08-190

17. Абашидзе А.Х. Организация Объединенных Наций и защита прав Коренных Народов: Монография. – М., РУДН: 2010 г. – 230 с.

18. Документ ООН. A/RES/61/295 от 13 сентября 2007 г.

19. Декларация о правах коренных народов.

20. Сборники статей Юрислингвистика-1, 2, 3... 11.